

SUZANNE
COLLINS

CATCHING
FIRE

СЬЮЗЕН
КОЛЛИНЗ

И ВСПЫХНЕТ
ПЛАМЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К60

Suzanne Collins
CATCHING FIRE

Перевод с английского *Юлии Моисеенко*

Дизайн обложки *Василия Половцева*

Иллюстрации на обороте суперобложки, форзаце, нахзаце,
кальке и спусках
Вероники Кошечкиной

Печатается с разрешения автора и литературного агентства Intercontinental
Literary Agency Ltd.

Коллинз, Сьюзен.

К60 И вспыхнет пламя : [фантастический роман] / Сьюзен Коллинз ;
[перевод с английского Ю. Моисеенко]. — Москва : Издательство АСТ,
2026. — 368 с.

ISBN 978-5-17-179060-8

Впервые за всю историю Голодных игр победителями стали сразу двое трибутов, и теперь весь Панем прославляет Китнисс Эвердин и Пита Мелларка. Вернувшись домой они оказались в еще большей опасности, поскольку своим отказом играть по правилам Капитолия бросили вызов самому президенту Сноу.

По традиции следующие, юбилейные Голодные игры должны стать особенными — в этот раз в них участвуют только победители прошлых лет. Китнисс и Пит вынуждены вернуться на арену, где им вновь придется оказаться лицом к лицу со смертью и соперничать с сильнейшими. Правила игры меняются, а ставки становятся еще выше.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Suzanne Collins, 2008
© Перевод. Ю. Моисеенко, 2025
Школа перевода В. Баканова, 2025
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

ISBN 978-5-17-179060-8

*Моим родителям
Джейн и Майклу Коллинз
и родителям мужа
Дикси и Чарлзу Прайор*

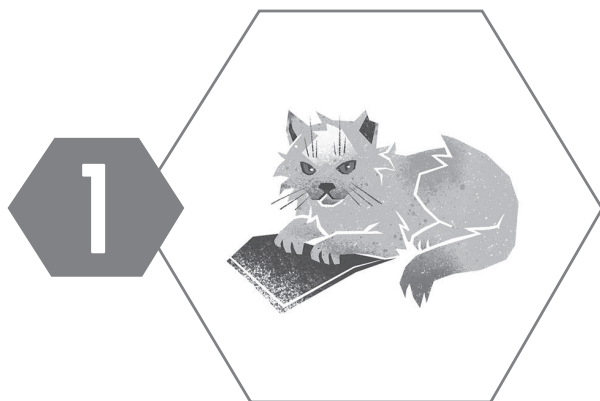

ИСКРА

— У меня и в мыслях не было подстрекать людей к мятежам, — говорю я.

— Верю. Но это неважно. Ваш стилист оказался пророком, выбирая наряды. Вы, Огненная Китнисс, бросили искру, способную (если вовремя не принять меры) разгореться в адское пламя, которое уничтожит Панем.

Мои руки крепко сжимают флягу, хотя чай давно уже отдал свое тепло морозному воздуху. Все мышцы напряжены от холода. Если нагрянет стая диких собак, не уверена, что я смогу забраться на дерево. Надо бы встать и размять затекшее тело. Но я продолжаю сидеть, неподвижная, точно скала под ногами, наблюдая, как в лес проникают лучи рассвета. Солнце не остановишь, увы. Оно волей-неволей тащит меня за собой в этот день, которого я страшилась несколько месяцев.

К обеду они уже соберутся в моем новом доме, в Деревне победителей. Репортеры, телевизионщики, даже Эффи Бряк, мой прежний сопровождающий, — и та доберется в Дистрикт-12 из Капитолия (интересно, она до сих пор носит дурацкий розовый парик или на этот раз, в честь тура победителей, вздумает щеголять каким-нибудь новым оттенком, неизвестным в природе?). Будет и много других. Железнодорожный персонал, которому предстоит удовлетворять все

мои нужды в течение долгого путешествия. Команда помощников, которые будут готовить меня к выходам на публику. Цинна, мой друг и стилист. Это он создал роскошный наряд, впервые приковавший ко мне всеобщее внимание во время Голодных игр.

Будь моя воля — забыла бы эти Игры навеки. Никогда бы не заговаривала о них. Притворилась бы, что это был страшный сон и не более. Но тур победителей ни о чем не позволит забыть. Капитолий нарочно проводит его примерно посередине между сезонами, чтобы освежить у людей чувство ужаса. Нам, жителям дистриктов, не просто напоминают о том, как страшна железная хватка столицы, — нас вынуждают публично этому радоваться. В этом году я звезда представления. Меня провезут от дистрикта к дистрикту, и в каждом придется стоять перед ликующими зрителями, ощущая их затаенную ненависть, и смотреть со сцены в глаза людей, чьи родные убиты моей рукой...

Солнце неумолимо встает, и я заставляю себя подняться. Суставы болезненно ноют. Левая нога затекла так сильно, что «оживает» лишь через несколько минут усиленной ходьбы. Я три часа провела в лесу, но даже не попыталась всерьез поохотиться. Сумка для добычи пуста. Ни маму, ни мою младшую сестренку Прим это уже не затронет, они теперь могут позволить себе покупать в городской мясной лавке что пожелают, хотя, конечно, вкус лучше всего именно у свежей дичи. А вот Гейл Хоторн и его семья целиком зависят от этой охоты. Нельзя их подвести. И я пускаюсь в дорогу. Еще полтора часа проверять ловушки. В школьные времена мы успевали после полудня и пройтись по капканам, и поохотиться, и вернуться с добычей в город, чтобы выручить за нее деньги. Теперь, когда Гейл работает в угольных шахтах, а у меня не осталось других занятий, вся работа на мне.

Гейл уже наверняка спустился на вызывающем тошноту подъемнике в бездну и вгрызается в угольный пласт. Я знаю, что творится там, внизу. В школе нас каждый год водили туда на экскурсии. В раннем детстве шахта порождала у меня попросту неприятные ощущения. Тоннели навевали клаустрофобию, затхлый воздух и темнота даже не позволяли свободно вздохнуть. Но после того как взрывом убило папу и нескольких его товарищей, я с трудом заставляла себя войти в подъемник. Ежегодная экскурсия превратилась в пытку. Два раза мне уже заранее становилось так плохо, что мать принимала мой страх за начало гриппа и разрешала остаться дома.

Я начинаю думать о Гейле. Только в лесах, среди свежего воздуха и прозрачных источников, он чувствовал себя по-настоящему живым. Не знаю, как ему удастся терпеть... Впрочем, неправда, знаю. Он выдержит все, лишь бы прокормить свою мать, сестру и двоих младших братьев. В то время как я буквально сижу на мешках с деньгами, которых более чем достаточно на две семьи. Но нет, этот парень не примет в подарок даже монету. Гейл и мясо-то берет неохотно. Между тем, если бы я погибла на Играх, он, без сомнения, содержал бы и мою маму, и Прим. Постоянно ему твержу: для меня охота — желанное развлечение, чтобы не сойти с ума от безделья. И все равно я стараюсь не заставлять его дома, когда приношу добычу. Это нетрудно, ведь Гейл трудится по двенадцать часов в сутки.

Мы видимся только по воскресеньям, в лесу. Для меня и теперь это лучший день на неделе, однако что-то переменялось. Нет больше тех свободных бесед о чем пожелаешь. Игры отняли у меня даже это. Я еще слабо надеюсь, но в глубине души понимаю: все бесполезно. В прошлое нет возврата.

Сегодня у нас богатый улов: восемь кроликов, пара белок и грузный бобер, запутавшийся в проволочных силках,

которые изобрел сам Гейл. Он просто гений ловушек. Всегда точно знает, как изогнуть молодое деревце, чтобы ветки не дали хищникам раньше нас добраться до жертвы, как закрепить увесистое бревно в равновесии при помощи тонких прутиков или как сплести корзину, откуда не выплыть попавшейся рыбе. После стольких лет работы с его западнями я уверена, что никогда не смогу повторить это хрупкое равновесие, не сумею почуять заранее, по какой тропе пробежит дикий зверь. Дело даже не в опыте. Это врожденный дар. Зато я стреляю без промаха и в кромешной тьме.

Но вот впереди возникает забор, окружающий Дистрикт-12. Солнце еще высоко. Прислушиваюсь, не гудят ли от электричества звенья цепи. Тихо — как и почти всегда, хотя нас убеждают, будто бы ток бежит круглые сутки. Через прокопанный под забором лаз я попадаю на Луговину, откуда рукой подать до родного дома. Нашего старого дома. Мы сохранили его, потому что мама и Прим до сих пор здесь прописаны — и вернуться сюда в случае моей внезапной смерти. А пока что мы трое благополучно воцарились в новом жилище, в Деревне победителей. И только я возвращаюсь в эту маленькую приземистую постройку, в стенах которой выросла. Она для меня и есть настоящий дом.

Сейчас, например, там будет удобно переодеться. Сменить старую кожаную отцовскую куртку на тонкое шерстяное пальто, немного узкое в плечах, а разношенные охотничьи сапоги — на дорогие фабричные туфли, более подходящие человеку в моем положении, как считает мама. Лук и стрелы надежно спрятаны в лесу, внутри прогнившей колоды. Время не ждет, но я все-таки позволяю себе немножечко посидеть на кухне. Какой запущенной она кажется без огня в печи, без скатерти на столе... Меня часто гложет тоска по прежней

жизни. Да, мы едва сводили концы с концами, зато я точно знала собственное место на замысловатом полотне под названием жизнь. Теперь, когда вспоминаешь, те времена кажутся столь надежными по сравнению с нынешним днем, когда есть и богатство, и слава, и лютая ненависть Капитолия.

От мыслей меня отвлекает жалобный вой возле черного хода, — явился Лютик, старый облезлый котяра моей сестренки. Новый дом ему так же не по душе, как и мне. Лютик удирает сюда всякий раз, стоит Прим отправиться в школу. Мы с ним никогда особенно не ладили — и вот между нами возникла странная связь. Впустив кота, я угощаю его ломтем бобрового жира и даже немного почесываю за ухом.

— Тебе говорили, какой ты уродец, а, животное?

Он тычется мордой в руку, прося еще ласки, однако нам пора в путь.

— Идем.

Я хватаю Лютика в одну руку, добычу — в другую, и тащу все за дверь. Кот изворачивается и в один скачок скрывается за кустарником.

Туфли жмут мне большие пальцы. Под ногами хрустит уголь Шлака. Несколько раз срезав путь через переулок или чей-нибудь задний двор, я в считанные минуты добираюсь до дома Гейла. Увидев меня в окно, его мама Хейзел отрывается от плиты, вытирает ладони о фартук и идет открывать дверь.

Мне нравится Хейзел. Эту женщину есть за что уважать. Взрыв, убивший моего папу, унес и ее мужа, оставив беременную вдову с тремя мальчишками на руках. Не прошло и недели с тех пор, как она разродилась, а Хейзел уже искала работу. Шахты — не выход, если в доме не с кем оставить младенца, однако ей удалось устроиться прачкой в городе, к одному из торговцев. Так в четырнадцать лет Гейл, старший

из сыновей, сделался главным добытчиком в семье. Он уже тогда мастерски ставил ловушки, подписался на тессеры и разрешал лишний раз внести свое имя в Лотерею ради скудного годового пайка из зерна и масла. Но и этого не хватило бы на семью из пяти человек, если бы Хейзел не обдирала пальцы до костей о стиральную доску. Зимой ее красные, потрескавшиеся руки начинали кровоточить от малейшей царапины. Когда-то Хейзел и Гейл вместе решили, что ни двенадцатилетнему Рори, ни десятилетнему Вику, ни четырехлетней Позе никогда не придется вписывать свои имена для Жатвы.

При виде добычи Хейзел улыбается поднимает бобра за хвост.

— Тяжелый!.. Вечером потушу с овощами.

В отличие от Гейла, она принимает помощь без капли смущения.

— И мех недурной, — отзываюсь я.

Мне приятно болтать с ней о достоинствах добычи. Хейзел наливает пахучего чая из трав, и я с благодарностью грею о кружку ооченевшие пальцы.

— Знаешь, я тут подумала... Может, после тура победителей стоит время от времени брать с собой Рори? В лес, после уроков? Ему надо учиться стрелять.

Хейзел кивает.

— Хорошо. Гейл и сам собирался, но он свободен только по воскресеньям и предпочитает проводить их с тобой.

Наверное, я все-таки покраснела. Глупо, конечно. Пожалуй, никто на свете не понимает меня лучше Хейзел. Ей известно о наших с Гейлом отношениях. Думаю, очень многие ждали, что мы поженимся, хотя у меня и мысли об этом не возникало. Но то было до Голодных игр. До того как Пит Мелларк, земляк-трибут, во всеуслышание заявил, что безумно влюблен

в меня. Наш роман стал ключом к выживанию на арене. Только вдруг оказалось: для Пита все было гораздо серьезнее. А для меня? Не знаю. Зато представляю, как мучился Гейл. Стоит подумать о туре победителей, когда нам с Питом вновь придется разыгрывать из себя влюбленных, и сердце сжимается.

Я допиваю чай, хотя он обжигает губы, и отодвигаюсь от стола.

— Пора идти. Надо еще навести красоту для камер.

Хейзел обнимает меня.

— Приятного ужина.

— Спасибо, — отзываюсь я.

Следующая цель — Котел, где обычно мне удавалось сбить с рук трофеи. Много лет назад он был угольным складом, потом оказался заброшен, стал точкой подпольной торговли и наконец превратился в настоящий черный рынок. Раз уж Котел притягивает к себе людей с подпорченной репутацией, стало быть, мне тут самое место. Лесная охота в окрестностях Дистрикта-12 нарушает, по меньшей мере, дюжину постановлений и по закону карается смертью.

Никто об этом не заговаривает, однако я — должника многих завсегдатаев Котла. Гейл рассказал, как Сальная Сэй устроила сбор пожертвований для меня и Пита во время Голодных игр. Поначалу деньги давали только в Котле, но многие люди, прослышав об этом, тоже внесли свой вклад. Не знаю точной суммы, знаю только, что эти деньги качнули чашу весов от смерти к жизни: на арене цена любого подарка достигает заоблачных высот.

До сих пор непривычно входить в Котел не с полной добычи охотничьей сумкой, а с увесистым кошельком на боку. Я стараюсь зайти почти в каждую лавку и что-нибудь приобрести: кофе, булочки, яйца, пряжу, масло... В последний момент